

РЕЦЕПЦИЯ «ИСТОРИИ БЕЗУМИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»¹

Часть исследователей, дискутирующих о научном статусе «историй» Мишеля Фуко, выдвигает гипотезу об их близости работам представителей школы «Анналов». Настоящая статья приводит ряд аргументов в пользу этой позиции, анализируя рецепцию «Истории безумия» одновременно на уровне истории идей и в контексте межличностных и институциональных отношений, складывавшихся между автором и «анналистами» до и после появления книги в печати. Как показывает такой комплексный взгляд, «анналисты» не только сыграли решающую роль в публикации книги и практиковали схожие стратегии академического развития, но и создали историографический миф о том, что Фуко – «истинный последователь Люсьена Февра».

Ключевые слова: Мишель Фуко, «История безумия», школа «Анналов», Филипп Арьес, Фернан Бродель, французская историография, «новая история».

Мишель Фуко был и остаётся одним из самых цитируемых авторов в области гуманитарных наук², однако статус его исследований до сих пор провоцирует широкие дискуссии. Наиболее стойкая и продолжительная из них возникла с момента появления первых его работ и сосредоточена вокруг проблемы идентификации их дисциплинарной принадлежности. В ёмкой формулировке Томаса Флинна, «все главные сочинения Фуко – «истории», и этого уже достаточно, чтобы называть его «историком». Требуется только определить, какого рода истории он писал и, следовательно, – каким историком являлся»³.

Впервые введенные Мишелем Фуко в научный оборот, темы этих «историй» стали чрезвычайно актуальными и плодотворными. В центре современной политической истории, например, оказались «техники контроля», с помощью которых власть подчиняет себе индивида, формирует его субъективность. Современную культурную историю трудно представить без вопросов, связанных с телесностью, сексуальностью и генде-

¹ Статья подготовлена в ходе работы проекта № 15-05-0042 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Интуитивная очевидность этого факта подтверждена, например, количественным исследованием Аллана Мегилла (Megill 1987); о российской традиции цитирования Фуко высказался социолог А.Ф. Филиппов – весьма иронично и точно: «Фукоизация всей страны» (Филиппов 2001).

³ Flynn 2005. P. 29. В той или иной мере каждый серьёзный сборник работ, посвящённых Фуко, обсуждает эту проблему. См., напр.: Cambridge Companion... 2005; Rewriting the History... 1992; Foucault and Philosophy... 2010; и др.

ром. Однако сами исследования Фуко в среде академических историков даже сегодня вряд ли кто-то рискнёт признать «классикой жанра».

Цель статьи – сформулировать причины возникновения этого парадокса, чтобы, по крайней мере, наметить ответ на вытекающий из него вопрос: почему Фуко, можно сказать, определившему образ ряда современных исторических дисциплин, до сих пор отказано в принадлежности к сообществу «классических» историков?

Для этого обратимся к началу его академической карьеры и покажем, как первая написанная им серьёзная работа, «Безумие и неразумие: История безумия в классическую эпоху» (1961)⁴, была воспринята ведущими представителями школы «Анналов», ставшей символом обновления исторической науки XX в.

Восприятие «Истории безумия» в кругу профессиональных историков заслуживает детального анализа в разных научных контекстах. Выделим три из них: 1) контекст межличностного общения между Фуко и коллегами, 2) пространство взаимодействия мыслителя с академическими институтами французской науки и 3) контекст «истории идей». Указанные уровни (межличностный, институциональный и уровень истории идей) представляют связную аналитическую программу, позволяющую рассмотреть ситуацию «объёмно» и проследить в ней сквозные закономерности рецепции текста Фуко, в комплексе демонстрирующие специфику «особого пути», которым мыслитель попал на Олимп гуманитарной науки, несмотря на непрекращающиеся споры о том, «какого рода истории он писал и каким историком являлся». На наш взгляд, между автором и первыми профессиональными читателями «Истории безумия» возникла ситуация недопонимания, которая затем оказалась образцовой для последовавшей рецепции «историй» мыслителя не только в континентальной, но и в англосаксонской традиции гуманитарной науки.

Среди существующей прежде всего следует отметить монографии Карлоса Агирре Рохаса «Критический подход к истории французских “Анналов”»⁵ и Франсуа Досса «Новая история во Франции: триумф “Анналов”»⁶, поскольку они являются одними из самых исчерпывающих источников по истории и эволюции этого направления исторической науки – от его формирования через борьбу с французской академией к моменту, когда «анналисты» завоевали практически все стратегические позиции в нашем медиа-ориентированном обществе⁷. Особое внимание в текстах уделено тому, как «анналисты» теоретически определяли «свои позиции относительно течений марксизма и структурализма»⁸ – у Агир-

⁴ «Говоря о своей первой книге, Фуко всегда имел в виду «Историю безумия», несмотря на несколько предшествовавших ей работ». Эрибон 2008. С. 57.

⁵ Агирре Рохас 2006 [1999].

⁶ Dosse 1994 [1987].

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Агирре Рохас 2006. С. 123.

ре Рохаса, и относительно структурализма и феноменологии – у Досса. В обоих исследованиях Фуко оказался удостоенным внимания, однако «один из лучших историков нашего времени»⁹ появляется в них лишь как «истинный последователь Февра»¹⁰, введший в историю политического «трилогию тело/дискурс/власть»¹¹ и принявший участие в теоретической дискуссии о «глобальной» и «серийной истории»¹².

Другие две работы, которые важно отметить в контексте не только взаимоотношений Фуко и школы «Анналов», но и анализа рецепции работ мыслителя в историческом сообществе в целом, – это посвящённый Фуко том под редакцией Гарри Гаттинга¹³ и сборник «Переписывая историю безумия: исследования об «Истории безумия» Фуко»¹⁴. Первый труд имеет целью выделить основные сюжеты творчества мыслителя и прояснить его ключевые концепты, проводя различные историко-философские параллели. Обширная часть введения и две первых статьи сборника посвящены «новому методу исторического анализа» Фуко, который, как считает Гаттинг, можно было бы продуктивно сравнить с работами представителей «новой истории»¹⁵, но дальше декларации авторы не заходят, концентрируясь именно на особенностях «историй» Фуко. Среди авторов второго сборника значатся такие известные теоретики истории, как Робер Кастель, Доменик ЛаКапра, Аллан Мегилл. В фокусе их внимания находится вопрос, почему вклад первой и даже последующих работ Фуко в гуманитарную науку (с акцентом на её англосаксонской части) оказался недооценённым и зачастую был неправильно интерпретирован. Замечая особую роль отзова на «Историю безумия», написанного «анналистами» Фернаном Броделем и Робером Мандру¹⁶, исследователи, однако, склонны оценивать его, скорее, как первый пример недопонимания замысла книги, чем как основу для последовавшего сотрудничества и теоретических дискуссий. Этот тезис мы попробуем опровергнуть в заключительной части настоящего текста.

Рецепция «Истории безумия» у «анналистов» проявилась, прежде всего, на уровне личного взаимодействия между автором и персоналия-

⁹ Dosse 1994. P. 193.

¹⁰ Агирре Рохас 2006. С. 105.

¹¹ Dosse 1994. P. 194.

¹² Агирре Рохас 2006. С. 138; Dosse 1994. P. 153–155.

¹³ The Cambridge Companion... 2005. Гаттингу также принадлежит статья о Фуко в авторитетной Стэнфордской философской энциклопедии (Gutting 2013).

¹⁴ Rewriting the History... 1992. Сборник снабжен критической библиографией работ об «Истории безумия», фиксирующей позиции их авторов по отношению как к идеям книги, так и, в целом, к творчеству мыслителя. Erickson 1992. Чрезвычайно полезна также биография Мишеля Фуко, написанная Дидье Эрибоном – титанический труд, аккумулирующий в себе множество фактов из жизни не только заглавного персонажа, но и других выдающихся французов его времени (Эрибон 2008 [1989]).

¹⁵ Gutting 2005. P. 6.

¹⁶ См., напр.: Rewriting the History... 1992. P. 19–20, 100, 170.

ми, от которых зависела публикация книги. Здесь впервые обнаружили две тенденции, характерные для всей биографии Фуко: с одной стороны, эмпатию к мыслителю проявили исследователи, занимавшиеся в тот момент схожими историческими сюжетами (как бы обладающие идентичным с ним эпистемологическим горизонтом), с другой стороны, для историков, не близких Фуко ни лично, ни концептуально, его идеи оказались настолько нестандартными и сложно сформулированными, что были встречены практически полным непониманием.

В 1960 г. Мишель Фуко, ещё не известный французскому научному сообществу, но уже начавший обзаводиться знакомыми, которым его исследовательские интуиции казались новыми и глубокими, получил разрешение от научного руководителя Жоржа Кангийема на публикацию своей диссертации. Он мечтал, чтобы текст о безумии и его образах в западной культуре и науке напечатали в «Галлимаре», «выпускавшем труды авторов предыдущего поколения, в частности Сартра и Мерло-Понти»¹⁷. И это амбициозное желание столкнуло Фуко с устойчивыми «правилами игры», работавшими не на отбор прогрессивного, нового знания, а на воспроизводство авторитетной традиции.

Рукопись попала к рецензенту Брису Парену, одному из главных помощников основателя издательства – Гастона Галлимара. Литературно-критические взгляды, составлявшие его редакторскую позицию, на тот момент были весьма влиятельны (хотя Парен сформировался как критик ещё в период после Первой мировой войны) и отличались «недоверием к зарубежной литературе и философии, игравшим значительную роль в формировании современных критических идей»; он видел «опасность в космополитизме сегодняшних французских писателей»¹⁸ и даже говорил, что «образовательная система производит на данный момент больше «интеллектуалов», чем страна способна вынести»¹⁹. «Мы не печатаем диссертаций», – таков был его резкий ответ. В отказе Парена не было ничего странного, недаром издателей называют «привратниками / стражами» (gatekeepers) идей²⁰: они призваны следить за их воспроизводством и не «пропускать» рукописи, несущие в себе риск разрыва с традицией. Тем более это актуально для таких гигантов издательского дела, как «Галлимар»; то же самое произошло даже с Клодом Леви-Строссом, когда он десятью годами ранее, в начале 1950-х, принёс Парену сборник статей по этнологии, ставших позднее в более гостеприимном издательстве «Плон» знаменитой «Структурной антропологией». Исследования, с которых, можно сказать, начались структурализм и постструктурализм, были проигнорированы Пареном и «Галлимаром» (скорее, «автоматически», чем сознательно) – как несущие в себе риск

¹⁷ Эрибон 2008. С. 135.

¹⁸ Stevens 1957. P. 223.

¹⁹ Acton 1939. P. 165.

²⁰ См. подробнее, напр.: Coser 1975.

установившемуся порядку в области академического знания. Однако «агентов стабильности» всегда балансируют «агенты развития», способные брать на себя риск. Поэтому и Фуко предложили отнести «Историю безумия» в упомянутый «Плон». Здесь рукопись сначала будто бы затерялась: несколько месяцев не было ответа, и когда автор уже хотел её забрать, «вдруг обнаружилось, что это книга по истории»²¹.

Чтением текста занялся «анналист» Филипп Арьес, возглавлявший серию «Цивилизация, её прошлое и настоящее». Как и Парен, он «всю жизнь почитал традиции старой Франции, доставшиеся в наследство с детства, приобретённые в дружбе университетских лет, когда в довоенные годы он боролся за общее дело роялистов»; потом, с 1946 по 1966 гг., публикуясь в периодике, Арьес пытался приспособить ценности федерализма, католицизма к поствоенной ситуации²². Однако политику и свой традиционализм редактор оставил на долю публицистики, формируясь на протяжении всей научной карьеры как независимый учёный, мыслящий неординарно и без предвзятости: если и существовали общие точки между его исследованиями культуры и исторической наукой того времени, то они находились на пересечении с идеями представителей школы «Анналов»²³. Как он сказал позднее, собственные политические взгляды заставили его «обратить внимание на инерционные силы популярной традиции и на важность коллективной памяти»²⁴. Арьес на тот момент ничего не знал о Фуко, но, прочтя книгу, был сражён и сделал всё возможное, чтобы поспособствовать её изданию.

Возможно, его интуиции помогло то, что ранее он сам опубликовал книгу, идея которой была схожа с главной идеей «Истории безумия». В появившейся годом ранее в той же серии «Цивилизация вчера и сегодня» книге «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке»²⁵ он писал, что детство есть социальный конструкт, что в определённые периоды истории детства фактически не существовало как феномена. Так и Фуко полагал, что безумие и неразумие – динамичные концепты, а не нечто зафиксированное, и что их содержание зависит от развития социальных институтов прошлого, от того, что понималось под «разумом».

Это подводит нас к закономерностям стратегий академического развития, принадлежащим уже к уровню институционализированной науки: «История безумия» шла к публикации по «периферическому», «маргинальному» пути, обозначенному развилкой в сторону «Плона» и Арьеса – независимых от традиции агентов²⁶, способных взять на себя

²¹ Эрибон 2008. С. 135-136.

²² Hutton 1999. P. 366.

²³ Агирре Рохас 2006. С. 150; Dosse 1994. P. 187.

²⁴ Hutton 1999. P. 378.

²⁵ Ariès 1960.

²⁶ Эрибон описывает ситуацию так: «[Арьес.] историк без кафедры, маргинал, державшийся в стороне от академических учреждений, называвший себя «истори-

определённый риск. Такое положение дел ставит под сомнение широко цитируемый тезис о том, что Фуко – «истинный продолжатель» традиции исследования ментальностей, идущей от начинателя школы «Анналов» Люсьена Февра²⁷: если бы он, действительно, был настолько близок анналистам, его распознали бы без труда, поскольку к началу 1960-х гг. школа «Анналов» была хорошо известна французским историкам и даже открывала эпоху своей международной популярности. К тому же известно, что Февр общался с Пареном: в 1943 г. он писал ему о проекте книги, которая должна была рассказать «о таких темах, как личность, любовь, бракосочетание, – каждая со своей историей, которую никто не желал замечать», – как и историю безумия до Фуко. Книга Февра появилась в 1944 г. под согласованным с Пареном и Галлимаром названием: «Любовь священная и любовь профанная: вокруг Гептамерона»²⁸.

Напротив, книга Фуко полтора десятилетия спустя была опубликована в «Плоне», так и не получив признания в «Галлимаре». Почему? Истории Февра, Арьеса, Фуко («любви», «детства», «безумия») оказались близки даже в своей нетрадиционности по отношению к классической истории. Однако концептуальный аппарат «анналистов» к началу 1960-х уже сформировался, приобрёл измерение «дискурса», поддерживаемого социальными и академическими институтами («правилами игры»), возникшими вокруг «Анналов». Поэтому «История безумия» могла найти внимательного читателя лишь в практикующем современнике, бывшем «историком выходного дня», не стеснённым потребностью поддержания авторитетов и академических структур; сам же Фуко мог обрести собственный голос и «таинственный путь» в науке, лишь осознанно противопоставив себя устоявшейся системе «слов и вещей».

В этой ситуации институционализируемая реакция «анналистов», возникшая на страницах журнала, несла в себе двоякую функцию: одновременно и легитимирующую, и нормализующую; в таком важном деле принял участие даже сам редактор, Фернан Бродель. С одной стороны, внимательный и масштабный «критический отзыв» (а не просто рецензия!)²⁹, объяснял, что содержательного было сказано Фуко в «Истории безумия», с другой стороны, он давал нужные для её прочтения «ключи», подсказывал правильные категории интерпретации.

ком выходного дня», оказался... способен... увидеть всю мощь новаторства странного, не вписывающегося в академические рамки труда» (Эрибон 2008. С. 137).

²⁷ «Как справедливо отметил Фернан Бродель, истинным продолжателем уникального подхода к истории ментальностей, которой занимался Люсьен Февр, был Мишель Фуко» (Агирре Рохас 2008. С. 146); «[Ролану] Барту пришла по душе идея, что Люсьену Февру понравилась бы книга Фуко: «...ибо он возвращает истории фрагмент "природы" и превращает в факт цивилизации то, что мы привыкли считать фактом медицины: безумие» (Эрибон 2009. С. 148); *Rewriting the History...* P. 170 и др.

²⁸ Цит. по Zemon Davis 1992. P. 137.

²⁹ Braudel, Mandrou 1962.

Для понимания того, как Фуко отреагировал на научные фильтры, встретившие его первую книгу, и как строил далее стратегию академического развития, следует, с одной стороны, сделать экскурс в историю формирования поля французской науки, обозначив здесь особую роль истории, с другой стороны, показать, как школа «Анналов», будучи новаторским направлением исторической науки, реализовывала потребность в институционализации. Фуко противостоял традиции похожими методами: через создание периферических академических траекторий, которые С. Козлов удачно назвал «институциональными шунтами»³⁰.

Французская наука того времени представляла собой централизованную и иерархичную систему. В меньшей степени это касалось естественных наук, в большей – гуманитарных, поскольку именно они задавали ценностную структуру французского интеллектуального сообщества. Научные институты Франции сложились в реформах 1880–1890-х гг., в борьбе между республиканцами и консерваторами («бонапартистами и роялистами»). Первые одержали победу, что предопределило идеологию системы: главной ценностью, которой она была призвана служить, стала Республика, символически венчавшая «пирамиду» академического сообщества. Формирование «коллективной памяти» о возникшей после революции республике, закрепление её образа в публичном пространстве сообразно политическим целям легло на плечи истории и, следовательно, историков, благодаря чему история во Франции стала «царицей» гуманитарных наук. Поле науки самоорганизовывалось сообразно идеологии, поэтому академические стратегии, практики письма и преподавания истории также обрели «республиканскую» форму. Звёздным небом, на котором блистали светила науки, была Академия Франции, попасть в нее считалось «апофеозом карьеры»³¹. Далее сеть иерархии ветвилась, постепенно спускаясь через научные организации (например, Коллеж де Франс, который должен был показывать научное знание «таким, как оно есть» в «созидающемся виде»³²) на базовый уровень – университетского и среднего образования, который отвечал за популяризацию знания.

Чтобы заставить такую довольно сложную и структурированную систему воспроизводить высшие образцы, требовалась довольно гибкая, но фундаментальная эпистемология исторического знания, поддерживающая республиканские ценности и классиков, их «надиктовывавших». Лучшее всего этим потребностям соответствовала концепция истории, отводившая главную роль фактам и нарративу, который объединял их в повествование, отвечавшее высоким трансцендентальным ориентирам.

«Научная география» имела схожее символическое пространство: влияние сосредотачивалось в центре – Париже, – и оттуда распростра-

³⁰ Подробнее см.: Козлов 2009.

³¹ Noiriel 1994. P. 555-556.

³² Эрибон 2009. С. 132.

нялось в регионы, задавая традиции исследований и практики взаимодействия учёных. Способность говорить «истину», нечто новое, была привилегированной возможностью, доступ к которой регламентировался на различных уровнях. Исследователь был привязан к академической системе, во-первых, по вертикальной оси, на которой было отмечено его положение в иерархии научного сообщества, во-вторых, через фактическое местоположение на карте академического пространства.

Судя по биографическим фактам, Мишель Фуко, по крайней мере, в начале карьеры не рвался на научный Олимп. За пять лет, предшествовавших появлению «Истории безумия», он побывал сначала в Швеции, затем в Варшаве и Гамбурге, а после защиты диссертации и её публикации в виде книги – ещё пять лет преподавал, каждую неделю путешествуя из Парижа в университет Клермон-Феррана. Ему, очевидно, нравилось находиться на периферии, в «добровольной ссылке»³³, где власть авторитетов была не так сильна и предоставлялось пространство для различных экспериментов – как в жизни, так и в творчестве. Однако постепенно Фуко встраивался в «горизонтальную» и «вертикальную» оси академического сообщества, обрасая новыми знакомствами; этому значительно способствовал успех нашумевших «Слов и вещей» (1966), вышедших уже в «Галлимаре»³⁴. В результате, Олимп сам пришёл к нему: в 1969 г. Фуко избирают профессором упомянутого Коллеж де Франс, одного из самых престижных научных заведений Франции.

Чем было определено такое стремительное карьерное движение от неизвестности и непонимания к всеобщему признанию – менее, чем за десять лет, – с 1961 по 1969 г.? Прежде всего, глубинной оригинальностью и актуальностью работ Фуко, сочетавших в себе новейшие достижения гуманитарной науки и междисциплинарное видение проблем. С другой стороны, он умело использовал интеллектуальную и финансовую независимость, будучи на периферии, в ситуации ослабленного давления академии; при этом он смог получить доступ к публикациям в ведущих французских издательствах. Не привязанный материально к полю науки, Фуко передвигался без затруднений между различными его «регионами», реализуя свои представления о свободе от «дискурса».

Такое же движение в авангарде, противостоящее ригидности академической истории, основывавшейся на событийности и трансцендентализме, в 1930–1960-х гг. можно наблюдать в кругу историков, объединённых журналом «Анналы», единственном издании, отреагировавшем на «Историю безумия» Фуко в 1960-м г., главный редактор которого Бродель к тому времени обрёл значительный вес во французской гуманитарной науке. Его политика по усилению влияния журнала была ещё более успешна, чем политика основателей Февра и Блока: он сумел со-

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Foucault 1966.

здать научные учреждения, которые интегрировали и закрепляли новую, модель истории-проблемы, противостоявшую традиции и её авторитетам. Так школа «Анналов» приобрела «структуру государственного института». В этой перспективе Бродель был продолжателем линии Февра, который добился избрания в Коллеж де Франс и издавал энциклопедические серии, по мере «институционализации» посвятив «себя чисто академическим занятиям, все менее вовлекаясь в живую политическую жизнь»³⁵. Помимо того, что Бродель при помощи Февра получил кафедру в Коллеж де Франс в 1949 г. и позже возглавил основанную Февром «знаменитую Шестую секцию социальных и экономических наук Практической школы высших исследований»³⁶, он создал критически важную для журнала экономическую базу, обратив на себя внимание фондов Рокфеллера и Форда. Их гранты стали основой независимости «Анналов» от финансовой политики академической среды и правительства Франции. Во время путешествий по Америке Бродель растолковывал суть своего проекта функционерам и учёным, мало знакомым с французской интеллектуальной традицией, чётко следуя стратегии на усиление журнала и завоевание дисциплинарной свободы. Его «горизонтальная» мобильность поддерживала процесс встраивания «Анналов» в «вертикальную» структуру французской академической науки. Постепенно увеличивалось число «анналистов», которые избирались в Коллеж де Франс, руководили «сериями изданий по истории в крупных издательствах», становились председателями и членами жюри на экзаменах, занимали высокие должности в разных комиссиях, назначались «на ответственные должности в правительственных органах, определяющих политику в сфере преподавания истории или в сфере исследовательских работ»³⁷.

Фуко после внимательного (даже восторженного) отзыва на «Историю безумия» в «Анналах» не раз получал поддержку Броделя. Тот, как человек, осязавший «*таинственный путь*», по которому в пространстве науки двигались Фуко и его идеи³⁸, стремился поддержать его в преодолении академических барьеров, которые не пропускали «другое». В результате, в 1964 г. – за два года до того, как Фуко стал известен, благодаря «Словам и вещам», они подписали с издательством «Фламарион» договор на рукопись для редактируемой Броделем серии «Новая научная библиотека». Хотя тогда дело закончилось безрезультатно, это взаимодействие позволяет прочертить линию сотрудничества двух интеллектуалов дальше – к избранию Фуко профессором Коллеж де Франс, в чём сыграл свою роль и мэтр «второго поколения» школы «Анналов»³⁹.

³⁵ Агирре Рохас 2008. С. 38.

³⁶ Lai 2004. P. 111.

³⁷ Агирре Рохас 2008. С. 128.

³⁸ Braudel, Mandrou 1962.

³⁹ Эрибон 2009. С. 177, 218.

«История безумия» фиксировала собой первые шаги Фуко в «поле науки» на уровне академических институций. Книга была опубликована в издательстве, являвшемся «агентом» риска и новаций, «шунтом», через который к читателю проникали маргинальные, периферические работы. Карьера Фуко строилась схожим образом: он также проводил «диверсии» с периферии против столичных авторитетов и традиции, стремительно меняя своё положение в «научной географии». Как пишет Эрибон, в числе прочих достоинств, у Фуко многие замечали «стратегические» таланты... умение “маневрировать” и, по мнению некоторых, “манипулировать” людьми⁴⁰. Он предпочитал накапливать символический и социальный капитал, чтобы потом реализовать его в центре, Париже; первый значительный успех этой стратегии случился в 1966 г., когда читатель познакомился со «Словами и вещами», а затем, на волне культурной революции 1968 г., Фуко стал популярным публичным интеллектуалом. Похожую стратегию практиковали на уровне целого направления исторической науки представители школы «Анналов».

«История безумия» обязана им дважды: во-первых, тем, что, благодаря усилиям Арьеса, она была опубликована как книга, во-вторых, тем, что благодаря критическому отзыву Р.Мандру и Ф.Броделя она была введена в науку, т.е. стала историографическим фактом. «Анналисты» и далее сопутствовали продвижению Фуко вверх по карьерной лестнице французского академического сообщества: они, оказались единственными, кроме близких знакомых, кто оказался способен разглядеть в авторе и его первой книге сходный новаторский импульс и стремление конструктивно пересматривать традицию.

Если на межличностном и институциональном уровнях между Фуко и «анналистами» можно обнаружить общность академических стратегий и даже тесное взаимодействие, то в контексте истории идей их позиции не выглядят столь похожими. Кроме того, после «критического отзыва» Мандру и Броделя, полного восторженных слов, на страницах «Анналов» наступило затишье⁴¹. Даже близкий друг Фуко, Поль Вен, пишет: «когда вышла в свет “История безумия”, некоторые французские историки, включая самых благосклонных (автор этих строк – один из них), поначалу неверно поняли направленность этой книги»⁴².

Однако мы попытаемся показать, что теоретические позиции Фуко и Броделя имеют общий исток и вписываются в методологическую дискуссию о «новой истории», начатую в 1950-х гг. при участии Клода Леви-Стросса, и поэтому являются родственными. С уверенностью можно

⁴⁰ Там же. С. 223.

⁴¹ На Фуко либо его работы с 1962 по 1969 г. на страницах журнала появились лишь три незначительные сноски (Megill 1987. P. 126).

⁴² Вен 2013. С. 8.

сказать, что Фуко явно отреагировал на проект «новой истории» и идеи Броделя и Леви-Стросса позднее, в «Археологии знания» (1969)⁴³.

Как считают авторы сборника, посвящённого рецепции «Истории безумия», и среди них, прежде всего, Колин Гордон, основные причины, из-за которых во французской среде работа была встречена практически полным молчанием и далее непониманием – это её объём (около 700 стр.) и «язык»⁴⁴. Под сложностями «языка» подразумеваются не только зачастую излишние для научной работы риторические красоты, но и построение нарратива вопреки предшествовавшей традиции, порождённое потребностью создать картину безумия не как исторически стабильного, эволюционно развивающегося феномена, а как драматически меняющегося, в зависимости от современного ему состояния науки.

В результате, особенно у англоязычных коллег, не оказалось соответствующего интеллектуального контекста, который бы позволил правильно понять содержание книги. К тому же, перевод книги, вышедший в 1964 г. под названием «Безумие и цивилизация», был подготовлен по французскому изданию, сокращённому на 300 страниц, которые, по мнению Гордона, были критически важны для понимания не только общего замысла, но также творческой и карьерной траектории автора⁴⁵.

Из представителей французской исторической науки язык книги оказался понятен лишь прогрессивным «анналистам», причём наиболее склонным к теоретизированию. В отзыве 1962 г., вышедшем под названием «Три ключа к пониманию безумия в Классическую эпоху»⁴⁶ Бродель и Мандру чувствовали необходимость указать даже аудитории своего журнала на то, что в книге нет привычного единства и простоты нарратива и поэтому надо прилагать усилия, чтобы следить за «таинственным путём», которым следует «пионерская» мысль автора⁴⁷. Как уже было сказано, авторы «критического отзыва» построили «Историю безумия» в собственный эпистемологический жизненный мир, «нормировали» её и создали историографический миф о том, что Фуко – последователь Люсьена Февра, пишущий историю «ментальностей».

Однако Бродель был изначально более аккуратен в формулировках, чем те, кто стал воспроизводить «миф Февра» после него. В «Истории безумия» он видел «не только одно из исследований в области коллективной психологии, открытой Люсьеном Февром» и особо отмечал многогранность подхода автора, одновременно представляющего как «историк, философ, психолог и социолог». По его мнению, до сих пор «не суще-

⁴³ Foucault 1969.

⁴⁴ Gordon 1992. P. 19–20.

⁴⁵ Foucault 1964. P. 20–21.

⁴⁶ Более точный, но не дословный перевод – «три ключевых концепта...», которые соответствуют трём подзаголовкам отзыва – «Истина безумия», «История ограничения» и «Структура исключения».

⁴⁷ Braudel, Mandrou 1962. P. 772.

ствовало примера такого метода исследования»⁴⁸. С другой стороны, характеризуя предмет исследования Фуко, Бродель использует понятийный аппарат своих работ, который сформировался как особая форма исторического структурализма. Поэтому, во-первых, «История безумия» в рамках «истории ментальностей» оказывается посвященной «коллективным феноменам» прошлого; последнее понятие отсылает непосредственно к социально-историческим исследованиям Леви-Брюля и Дюркгейма⁴⁹, стоявших у истоков теоретического подхода школы «Анналов», и к вдохновленным ими работам Февра и самого Броделя.

Во-вторых, история безумия как «коллективного феномена» – это история динамики «ментальных структур цивилизации». Следует пояснить, почему в этом контексте возникает понятие «цивилизация», которое сам Фуко употребляет в «Истории безумия» весьма неохотно и без пояснений, но затем оно включается в заглавие и сокращённой французской версии, и её перевода («Безумие и цивилизация»)⁵⁰, т.е. заимствуется из названия серии, в которой была опубликована во Франции («Цивилизации вчера и сегодня») под редакцией «анналиста» Арьеса.

Представляется очевидным, что мода на понятие «цивилизация» возникла в социально-антропологических исследованиях первой половины XX в. Бродель анализировал этот концепт подробно в теоретической работе «История и цивилизация» (опубликована через год после отзыва на Фуко). В ней он примыкал к традиции плюралистической трактовки «цивилизации», которую начал Марсель Мосс⁵¹. Для Броделя «цивилизация» даже нечто большее: она – «всё то, чего достигло человечество», состоящее из уровней «культуры» и «материальных» артефактов; таким образом, он отводил особую роль обществам, не достигшим технического развития, сравнимого с европейским⁵².

Плюралистическое определение «цивилизации», в свою очередь, накладывается на структуралистскую модель истории, предложенную Броделем в конце 1950-х – 1960-е гг. Одной из общеизвестных работ, развивающих её, является статья «История и социальные науки: Большая длительность (*La longue durée*)»⁵³. В ней в концентрированной форме зафиксирован спор Броделя с другим «мэтром» гуманитарной науки – Леви-Строссом. Они оба пытались в то время теоретически обосновать концепцию науки об обществе, способную возглавить гуманитарную науку Франции. Бродель стремился для этого обновить историю – за

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Bouthoul 1971. P. 30.

⁵⁰ Foucault 1964, о «трудностях перевода» см. подробнее Megill 1992. P. 86–99.

⁵¹ Arnason 2003. P. 80.

⁵² Baille, Braudel, Philippe 1963. Цит. по: Braudel 1994. P. 3–8. Уместно напомнить, что полное название журнала в тот период также включало в себя понятие «цивилизация»: «Анналы. Экономика, общества, цивилизации».

⁵³ Braudel 1958.

счёт введения в неё элементов структурализма, Леви-Стросс же, наоборот, призывал свести историческую науку к структурализму. В результате, амбициозный проект последнего не получил достаточной поддержки, а Бродель, наоборот, превратился в лидера направления, которое теперь уже полностью ассоциировалось с французской «новой историей»⁵⁴.

Именно поэтому «История безумия» оказывается историей «ментальных структур цивилизации», – и каждое слово этого определения, данного Броделем, фиксирует актуальные историографические смыслы, основополагающие одновременно для историков школы «Анналов» и для читателей журнала. Видимо поэтому Фуко, хоть и не понятый так, как ему хотелось, решает в упрощённом французском и англоязычном вариантах принять категорию, в которых характеризует книгу Броделя: «История безумия» – это «Безумие и цивилизация», потому что её легче всего идентифицировать через продолжающийся уже несколько десятилетий спор между историками и представителями других социальных наук. Между тем, как было сказано выше, старания автора не достигают успеха, и книга не получает должной реакции. Позднее эта уловка сыграла с ним злую историографическую шутку – многие историки и поныне воспринимают его творчество как близкое духу Февра.

Позже, во введении к «Археологии знания» (1969), Фуко пытается снять возникшее недопонимание⁵⁵ и включается в спор о «новой истории», уже переформулируя совокупность проблем, поставленных Броделем и Леви-Строссом на собственном концептуальном языке. Однако, его самостоятельная реплика, теоретически формулирующая демарш и против традиции, и против структурной истории, заслуживает отдельного исследования, последовательно продолжающего анализ рецепции работ Фуко в рамках французской и мировой гуманитарной науки.

Попытаемся кратко сформулировать ответы на вопросы, которые были поставлены в начале статьи.

Почему сообщество профессиональных историков Франции не уделило должного внимания первой книге Мишеля Фуко, по словам Броделя, «блестящей»? Потому, что «История безумия» оказалась чрезвычайно сложна для академических учёных, которые в основной своей массе придерживались вполне консервативных взглядов на предмет истории и на способы историописания. С одной стороны, большой объём книги и порывающий с традицией способ повествования об исторических фактах, с другой стороны, отсутствие у большинства историков подходящего междисциплинарного бэкграунда, привели к тому, что единственной заинтересованной реакцией на «Историю безумия» стал критический отзыв Мандру, дополненный комментарием Броделя на

⁵⁴ См. подробнее: Агирре Рохас 2006. С. 123; Dosse 1994. P. 90–98; Marin 2011.

⁵⁵ Michel Foucault... 1992. P. 86.

страницах «Анналов». «Анналисты» идентифицировали Фуко как автора, который пишет о безумии как о «ментальной структуре цивилизации» – практически в духе Февра. Этот устойчивый ярлык историки зачастую используют и сегодня, чтобы ответить на вопрос: «какие истории писал Фуко и каким историком он являлся»? Сам Фуко, хотя, видимо, пытался сыграть на методологической близости школе «Анналов», в последующих работах решил вступить с её представителями в методологическую дискуссии, подтверждая тезис Броделя о том, что других примеров такого метода исследования, как представленный в «Истории безумия», на тот момент не существовало. Отдельного внимания заслуживает участие Фуко в теоретической дискуссии о «новой истории», которая началась до появления «Истории безумия», и в которую он был втянут «благословляющими» комментариями «крёстного отца» книги – Фернана Броделя. Возможно, она послужит поводом для другой статьи, объединённой с настоящей работой общей проблематикой.

Между тем, взаимодействие между Фуко и представителями школы «Анналов» в начале 1960-х активнее всего происходило не на уровне теоретических дискуссий, а в межличностной и институциональной сферах. Именно благодаря «анналисту» Арьесу «История безумия» увидела свет, затем на уровне журнала Бродель и Мандру дали ей второе, «историографическое» рождение. Позднее Бродель также поспособствовал Фуко в избрании в Колледж де Франс, т.е. помог ему попасть на вершину академической среды Франции. Стремительное восхождение на научный Олимп далось ему во многом благодаря тому, что он использовал стратегии, уже опробованные анналистами, получал от них помощь, даже играл на сходстве с ними. Атакуя традиционную историческую науку с периферии, ускользая от нормирующего дискурса академии через использование нестандартной исследовательской методологии, Фуко накапливал социальный и символический капитал, которые в один момент обеспечили ему академическое признание и самостоятельность.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Agippe Roxas K.A.* Критический подход к истории французских «Анналов» / Пер. с исп. И. Замойской. М.: «Круг», 2006. 335 с.
- Вен П. Фуко его мысли и личность / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: «Владимир Даль», 2013. 195 с.
- Козлов С. Сообщество выскочек. «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 583–606.
- Филиппов А. Фукоизация всей страны. Ответ на анкету: актуален ли Фуко для России? // Новое литературное обозрение. 2001, № 49. С. 74–75.
- Эрибон Д. Мишель Фуко / Пер. с фр. Е. Бабаевой. М.: Молодая гвардия, 2008. 378 с.
- Agirre Rokhas K.A.* Kriticheski podkhod k istorii frantsuzskikh «Annalov» / Per. s isp. I. Zamoiskoi. M.: «Krug», 2006. 335 s.
- Ven P. Fuko ego mysli i lichnost' / Per. s fr. A. Shestakova. SPb.: «Vladimir Dal'», 2013. 195 s.

- Kozlov S. Soobshchestvo vysokocheh. «Sub"ektivnyi faktor» reformy vysshego obrazovaniya vo Frantsii epokhi Vtoroi imperii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 6. S. 583–606.
- Filippov A. Fukoizatsiya vsei strany. Otvet na anketu: aktualen li Fuko dlya Ros-sii? // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001, № 49. С. 74–75.
- Eribon D. *Michel' Fuko* / Per. s fr. E. Babaevoi. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 378 s. Acton H. *Philosophy in France* // *Philosophical Surveys*. 1939. № 55. Vol. 14. P. 341–344.
- Ariès P. *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris, Plon, 1960. IV+503 p.
- Arnason J.P. *Civilizations in Dispute. Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden, Boston: Brill, 2003. 380 p.
- Baille S., Braudel F., Philippe R. *Le Monde actuel, histoire et civilisations*. Paris: Librairie Eugène Belin, 1963. 541 p.
- Bouthoul G. *Les mentalités*. Paris: P.U.F., 1971. 560 p.
- Braudel F. *A History of Civilizations* / Trans. by R. Mayne. N.Y.: The Penguin Group, 1994. 600 p.
- Braudel F. *Histoire et sciences sociales. La longue durée* // *Annales ESC*. 1958. № 4. Vol. 13. P. 725-753.
- Braudel F., Mandrou R. *Trois clefs pour comprendre la folie à l'époque classique* // *Annales ESC*. 1962. № 4. P. 761–772.
- Coser L. A. *Publishers as Gatekeepers of Ideas* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1975. № 421. P. 14-22
- Dosse F. *New History in France: The Triumph of the "Annales"* / Trans. by P. Conroy. Urbana, Chicago: U of Illinois P, 1994. 232 p.
- Eribon D. *Michel Foucault (1926–1984)*. Paris: Flammarion, 1989. 402 p.
- Erickson M. *Michel Foucault's Madness and Civilization: A selective bibliography with critical notations* // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L., N.Y.: Routledge, 1992. P. 185–217.
- Flynn T. *Foucault's Mapping of History* // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: CUP, 2005. P. 29–48.
- Foucault and Philosophy* / Ed. by T. O'Leary, C. Falzon. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 259 p.
- Foucault M. *Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique*. P.: Plon, 1961. XI+674 p.
- Foucault M. *Histoire de la folie*. Paris: U.G.E., 1964. 309 p.
- Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris: Gallimard, 1969. 288 p.
- Foucault M. *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris, Gallimard, 1966. 398 p.
- Foucault M. *Madness and Civilization: A History of Insanity In the Age of Reason* / Trans. by R. Howard. N.Y.: Routledge, 1964. 308 p.
- Gordon C. *Histoire de la folie. An unknown book by Michel Foucault* // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L., N.Y.: Routledge, 1992. P. 19–41.
- Gutting G. *Foucault and the History of Madness* // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: Cambridge U P, 2005. P. 49–73.
- Gutting G. *Introduction: Michel Foucault : A User's Manual* // *The Cambridge Companion to Foucault* / Ed. by G. Gutting. Cambridge: Cambridge U P, 2005. P. 1–28.
- Gutting G. *Michel Foucault* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/foucault/>
- Hutton P. *The Postwar Politics of Philippe Ariès* // *Journal of Contemporary History*. 1999. № 3. Vol. 34. P. 365–382.
- Lai C.-C. *Braudel's Historiography Reconsidered*. Maryland: U P of America, 2004. X+126 p.
- Marin R. *La nouvelle histoire et Lévi-Strauss* // *Cahiers du monde hispanique et lusobréasilien*. 2011. № 96. P. 165-178.

- Megill A. Foucault, ambiguity and the Rhetoric of Historiography // *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. L.; N.Y.: Routledge, 1992. P. 86–104.
- Megill A. The Reception of Foucault by Historians // *Journal of the History of Ideas*. 1987. № 1. Vol. 48. P. 117–141.
- Michel Foucault. *Lire l'œuvre / Sur la dir. de L. Girard*. Grenoble: Jérôme Millon, 1992. 226 p.
- Noiriel G. Foucault and History: The Lessons of a Disillusion // *Journal of Modern History*. 1994. № 3. Vol. 66. P. 547–568.
- Stevens L. Major Trends in Post–War French Criticism // *French Review*. 1957. № 3. Vol. 30. P. 218–224.
- The Cambridge Companion to Foucault / Ed. G. Gutting. Cambridge: CUP, 2005. P. 29–48.
- Zemon Davis N. Women and the World of the “Annales” // *History Workshop Journal*. 1992. № 33. P.121–137.

Руднев Юрий Владимирович, аспирант Школы истории НИУ ВШЭ (Москва); 2rudnev@gmail.com

The Reception of “The History of Madness” by Michel Foucault by the Representatives of the School of Annales

Some scholars discussed the scientific status of Michel Foucault’s “histories,” and hypothesizes their affinity with the works by the historians of the Annales School. The present article adds several arguments in favour of such position and analyses the reception of “The History of Madness” both on the level of the history of ideas, and in the contexts of institutional and personal relations that existed before and after its publication between the author and the Annalistes. Such complex view demonstrates that the latter not only played a key role in the fact of this publication and shared similar academic strategies, but also created the historiographical myth of Foucault as “the true disciple of Lucien Febvre.”

Keywords: Michel Foucault, “The History of Madness,” Annales School, Philippe Ariès, Fernand Braudel, French Historiography, “Nouvelle histoire”

Yuri Rudnev, PhD student, School of History, NRU HSE (Moscow); 2rudnev@gmail.com